

Владимир ВОЙНОВИЧ: Я боялся прослыть нечестным

Предлагаем вашему вниманию фрагменты беседы читателей — членов Клуба «Известий» — с Владимиром ВОЙНОВИЧЕМ.

— Какой период вашей жизни был самым интересным, дал более всего впечатлений и вдохновил на творчество?

— Когда-то поэт Николай Глазков написал: «Я на мир взираю из-под столика... Век двадцатый, век необычайный. Чем событие интересней для историка, тем оно для современника печальнее». Перефразируя это стихотворение, я бы сказал, что самое интересное время для человека — это, может быть, самое трудное время. Поэтому для меня самыми интересными годами в моей жизни были годы службы в армии. Но не самыми приятными. Интересное и приятное — это разные вещи.

— Говорить обо всем открыто, без обиняков — это для вас требующее мужества дело чести или бесстрашия? Опасаетесь ли вы чего-то?

— Я не знаю ни одного человека, который ничего не боится. Я боялся многого, но больше всего, пожалуй, прослыть нечестным человеком и потерять уважение к себе самому. Поэтому в те трудные интересные времена, когда мне приходилось делать выбор, я совершал порой рискованные поступки, чтобы остаться самим собой, не отступить от своих понятий о правде, чести и совести.

— Насколько я знаю, вы подолгу живете за пределами России. Как на ваш несколько сторонний взгляд: меняемся мы все тут или нет, и в какую сторону?

— Прежде всего должен сказать, что у меня вовсе не сторонний взгляд. Даже когда я глухо сидел девять лет в эмиграции, я внимательно наблюдал за тем, что здесь происходит, знал, быть может, не меньше многих тех, кто никуда не уезжал. А сейчас жизнь складывается так, что я живу практически на два дома — в Мюнхене и в Москве, но душой я все время здесь. Там я смотрю российское телевидение, читаю русские газеты, слежу заинтересованно за всем, что здесь происходит, а здесь живу обычной жизнью обычного москвича: езжу в метро, хожу в магазины. Конечно, жизнь меняется, и люди меняются, потому что рухнула тоталитарная система, в которой мы все выросли. Теперь — совершенно другая эпоха. Россия впервые за всю свою историю, не считая коротких дней после революции 1905 года и Февральской революции, так или иначе ступила на путь демократии. И пусть эта демократия пока несовершенна, у нас появилась свобода, которой не было никогда. Это, безусловно, повлияло и продолжает влиять на психологию людей. Если так будем развиваться, то загадочная русская душа будет не такой загадочной через некоторое время.

— А не жалко вам расставаться с загадочной русской душой?

— Жалко. Как с разными атрибутами старины и обычаями других народов, живших обособленно. Но время идет, мир радикально меняется, стираются границы, развиваются новые технологии, отдельные люди и целые народы перемещаются в пространстве физическом и виртуальном, общаются между собой теснее, чем раньше и вырабатывают одни и те же приемы приспособления к реалиям. Это касается всех народов, включая русский. Это может нравиться или не нравиться, но сопротивляться этому процессу бессмысленно.

— Пока был Советский Союз, у нас была самая читающая страна в мире. Сейчас этого нет. Не обидно ли вам?

— Советская система очень располагала к чтению. Книга была почти единственным средством приобщения человека к мировой культуре, давала пищу уму и душе. В литературе человек искал правду и ответы на свои сокровенные вопросы. Теперь с этими вопросами он идет в церковь, к адвокату, психологу, экстрасенсам, колдунам и «академикам» черной магии или смотрит телевизионное ток-шоу, где ему быстро ответят на вопросы «про это» и про все остальное. В советское время чтению книг очень способствовали всякие запреты. Если какая-то книга запрещена, то ее искали, перепечатывали, переписывали. В годы самиздата рассказывали, будто некая бабушка сообразила, как заставить своего внука прочесть «Войну и мир». Перепечатала роман на машинке и сказала, что запрещенная рукопись. И внук прочел. Другой момент — люди отсиживали на службе по восемь часов, не зная, чем заняться. Поэтому на столе или под столом всегда была книжка. Теперь люди работают все больше, свободного времени остается все меньше. Как-то в Германии я пошел к зубному врачу, заплатил ему за работу и, решив, что книга — лучший подарок, тем более от автора, преподнес свой сборник. Он удивился немного, дело было, кажется, в

феврале, и говорит, мол, спасибо, я в августе пойду в отпуск, прочту обязательно. А я-то привык, что берут книгу, начинают читать в трамвае, вечером и ночью дочитывают, а уже утром звонят (если это знакомые), делятся впечатлениями.

Немного обидно, да. Но с другой стороны, думаю, у нас немножко преувеличивали, когда говорили о самой читающей стране. Ведь что читали? Не только настоящую литературу, но и Кожевникова, Кочетова, Бабаевского, как сейчас сочинителей дешевых детективов или боевиков.

— По прочтении «Монументальной пропаганды» у меня осталось впечатление, что Аглая Ревкина — из тех «мучеников догмата», которые, по Пастернаку, «тоже жертвы века» — заметно симпатичнее для вас, чем большинство из окружающих ее новых и не очень «новых русских». Можно ли сравнивать творивших зло бескорыстно, с полным сознанием своей правоты, и творящих его осознанно?

— Я думаю, что бескорыстные фанатики опаснее расчетливых циников. Но когда я писал героиню, я пытался влезть в ее шкуру. Я могу ненавидеть тех старушек, которые ходят с портретом Сталина, но когда писал, невольно проникся к Аглае сочувствием, тем более что она в самом деле искренне предана своим заблуждениям.

— В той же «Монументальной пропаганде» вы угадали будущего лидера. Неприятностей не было?

— Мне дали Государственную премию. Мне трудно считать это неприятностью.

— Когда вы писали «Москву 2042 года», вы предполагали, что события в стране на момент написания книги могут развиваться в русле государственного переворота? На чем вообще основан выбор года 2042-го?

— Я начал писать этот роман в 1982 году и хотел заглянуть примерно на 50 лет вперед. Дополнительная предпосылка была в том, что я родился в 1932 году и как бы условно хотел заглянуть в свое 100-летие. Поэтому первое название было «Москва-2032». А потом я подумал, что в общем-то пятидесяти лет мне маловато, и омолодил героя, он у меня 1942 года рождения. Некоторые между героем и мной ставят знак равенства, но это не так, это все-таки вымышленный персонаж. Что касается военного переворота, я такого развития не исключал. Кстати, у меня в романе заговор генералов КГБ произошел в августе.

— Изменился ли ваш прогноз на 2042 год?

— Я никогда не считал этот роман именно прогнозом или предсказанием, я писал его как роман-предупреждение. Надеюсь, все-таки мы этого будущего избежим.

— Вы — автор известной пародии на новый старый гимн на музыку Александрова. Встааете ли вы при исполнении этого гимна?

— Встаю. Ну а если серьезно, на прошедшем недавно Гражданском форуме гимн не исполнялся. Видимо, постеснялись. Но разве можно иметь гимн, который стыдно исполнять?

— Вы голосовали на московских выборах?

— Нет. Не люблю голосовать, когда чувствую, что все уже за меня определили, тогда это получают советские выборы, а я советские игнорировал много лет.

— Не кажется ли вам, что время сатиры, юмора прошло?

— Время сатиры и юмора не пройдет никогда, ни при каких режимах. В жизни всегда есть и будут смешные характеры, человеческие пороки, случаи и ситуации, и всегда найдется кто-то, кто сумеет это отобразить. Сатира и юмор — это не только анекдоты и зубоскальство на политические темы (как в «Куклах»), но и столкновение обыкновенных людей в обыкновенных жизненных обстоятельствах по смехотворным ничтожным поводам вроде того, что привел к ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

Благодарим всех читателей, приславших свои вопросы.

Подготовила
Людмила КОМЛЕВА
[komleva@izvestia.ru]